

УДК 811.161.1

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ФУНКЦИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ С КОНФИКСОМ *ОТ-...-СЯ*)

© Венера Фатхутдинова

EVOCATIVE-EVALUATIVE FUNCTION OF DERIVED VERBS OF BEHAVIOR IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE VERBS WITH THE KONFIXES *OT-...- SYA*)

Venera Fatkhutdinova

The article deals with the Russian verbs of behavior whose word-formation markedness indicates the presence of an evocative-evaluative connotation and a certain metaphorical meaning. The subject of our linguistic analysis is verbal predicates with the semantics of “activity evasion, contact and interaction” whose derivational structure contains the confix *от-...-ся*, for example, *отбояриться*, *отделаться*, *отвертеться*, *отвязаться*, etc. Such formations denote behavioral stereotypes and express basic ethical meanings.

The study characterizes evocative-evaluative functions of derived verbs of behavior in the inherent (linguistic, usual) and adherent (speech, situational) spheres. We found that the expansion of the semantic value of a lexical unit occurs in the process of semantic derivation while preserving its general semantic content. Additional (evaluative, regulative) meanings inherent in the predicates of behavior appear in the semantic structure of this lexical unit. At the same time, the semantic derivative becomes a figurative word and performs an evocative-evaluative function.

Adherent expressivity and evaluation of derived verbs of behavior manifest themselves within a specific speech situation, when the degree of semantic peioratization may increase or, on the contrary, decrease due to their contextual environment. In general, lexical co-occurrence and mental-cultural linguistic context actualize basic ethical meanings, thus objectifying the deontic norms of the Russian ethnic group in the language.

Keywords: verbs of behavior, word formation, semantics, confix, expressivity, moral evaluation.

В статье анализируются русские глаголы поведения, словообразовательная маркированность которых указывает на наличие экспрессивно-оценочной коннотации и определенного метафорического смысла. Предметом лингвистического анализа выступили глагольные предикаты с семантикой «уклонение от деятельности, контакта и взаимодействия», деривационная структура которых содержит в себе конфикс *от-...-ся*: *отбояриться*, *отделаться*, *отвертеться*, *отвязаться* и др. Подобные образования служат обозначением поведенческих стереотипов и выражают базовые этические смыслы.

В исследовании выявлена и охарактеризована экспрессивно-оценочная функция производных глаголов поведения в ингерентной (языковой, узальной) и адгерентной (речевой, ситуативной) сферах. Установлено, что при сохранении общего содержания понятия в процессе семантической деривации происходит расширение объема значения лексической единицы. В её семантической структуре появляются дополнительные (оценочные, регулятивные) смыслы, свойственные предикатам поведения. При этом сам семантический дериват становится образным словом и выполняет экспрессивно-оценочную функцию.

Адгерентная экспрессивность и оценочность производных глаголов поведения проявляется в рамках конкретной речевой ситуации, когда степень семантической пейоратизации может усиливаться или, наоборот, ослабляться за счет контекстного окружения. Лексическая сочетаемость и ментально-культурный языковой контекст в целом актуализируют базовые этические смыслы, объективируя таким образом в языке деонтические нормы русского этноса.

Ключевые слова: глаголы поведения, словообразование, семантика, конфикс, экспрессивность, моральная оценка.

Стихия русской разговорной речи немыслима без эмоционально-оценочной коннотации лексических единиц. Отрицательная, положительная, а порой и неоднозначная оценка чаще всего присутствует в суждениях о поведении, конкретных действиях и поступках человека.

С точки зрения этики, моральная оценка есть «акт выявления и обоснования моральной ценности тех или иных феноменов (поступков, намерений и пр.), из которых складывается созидательная человеческая деятельность»; это «суждение (высказывание), выражающее специфическое моральное „одобрение“ или „неодобрение“ этих феноменов» [Этика, с. 343]. В силу своей социальной значимости она является одним из главных факторов, детерминирующих человеческое поведение.

В этой связи объектом нашего исследования стали русские глаголы поведения, словообразовательная маркированность которых указывает на наличие экспрессивно-оценочной коннотации и определенного смысла. Актуальность работы определяется необходимостью изучения оценочных слов как средств выражения социокультурных норм и деонтических предписаний. «Производные глаголы поведения, отличаясь национально-культурным своеобразием, ментально характеризуют процессуально-событийный мир русского человека и являются отражением его системы нравственных и этических ценностей» [Фатхутдинова, Красильникова, с. 137].

Предметом непосредственного лингвистического анализа выступили глагольные предикаты с семантикой «уклонение от деятельности, контакта и взаимодействия», деривационная структура которых содержит в себе конфикс *от-...-ся*: *отбояриться, отделаться, отвертеться, отвязаться* и др. Конфикс *от-...-ся* в одном из своих семантических вариантов «достаточно регулярная, но малопродуктивная словообразовательная единица, образующая непереходные глаголы совершенного вида со значением: избавиться, уклониться от кого- или чего-либо с помощью действия, которое названо мотивирующим глаголом» [Ефремова, с. 357].

Материалом для изучения послужили тексты произведений русских писателей, извлеченные из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Практически все исследуемые глаголы относятся к сфере разговорной речи, и для них характерны такие черты просторечно-разговорного дискурса, как «снижение, отчетливая образность и эмоциональность номинаций, резкая экспрессивность, акцентированная брутальность» [Химик, с. 239].

Под экспрессивностью в нашей работе понимается «семантическая категория, придающая речи выразительность за счет взаимодействия в содержательной стороне языковой единицы, высказывания, текста, оценочного, эмоционального отношения субъекта речи (говорящего или пишущего) к тому, что происходит во внешнем или внутреннем для него мире» [Телия, с. 637].

Отнесение разноструктурных, но идентичных в семантическом отношении производных к одной «словообразовательной формации» (термин М. В. Черепанова) позволяет расширить круг исследуемых лексических единиц и более глубоко проникнуть в сущность номинационно-когнитивных процессов при языковой объективации конкретной ситуации. «Глаголы с отождествляющим семантическим признаком деятельности и поведения субъекта, сочетаясь с формантами, образуют большое число производных. Такие производные присутствуют почти во всех формациях» [Черепанов, с. 118].

Цель исследования – выявить и охарактеризовать экспрессивно-оценочную функцию производных глаголов поведения в ингерентной (языковой, узуальной) и адгерентной (речевой, ситуативной) сферах.

По мнению ученых, «всякая конкретная моральная оценка представляет собой применение некоторого общего морального положения (принципа, нормы, идеала, постулата, критерия) к частной ситуации» [Этика, с. 343], описание и вербализация которой осуществляется в том числе и глаголами действия, поведения и поступка.

С точки зрения А. А. Зайнульдинова, прагматические подсистемы языковой информации, а именно экспрессивная, эмоциональная, эмоционально-оценочная, эстетическая, побудительная и контактная, характеризуются особой, отличной от информативной заданностью. «Они предназначены для воздействия на психику и для регуляции поведения адресата (курсив наш. – В. Ф.), они апеллируют непосредственно к эмоционально-волевой сфере психики и через нее к интеллекту» [Зайнульдинов, с. 29].

Как известно, большинство глаголов с поведенческой семантикой имеют негативную коннотацию, которая фиксируется в словарях при помощи помет или при толковании лексической единицы, например: *отмахнуться* – «(перен., разг.) Отказываться заниматься чем-либо, делать что-либо, уделять внимание чему-либо» [Словарь русского языка, с. 690]: *Надо было победить ее иронией, презрением даже, просто отмахнуться с усмешкой, она бы и растерялась...* (В. Белоусова. «Жил на свете рыцарь бедный») [НКРЯ].

Собранный и проанализированный нами материал позволил сформулировать следующую гипотезу: в рамках контекста, в рамках конкретной речевой ситуации пейоративная коннотация может, с одной стороны, усиливаться за счет контекстного окружения, с другой – ослабляться, меняться на нейтральную или оценочно неоднозначную.

В «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой (2007) группа глаголов с семантикой «уклонение, отстранение от дел, обязанностей, от участия в чем-нибудь, пренебрежение чем-нибудь» включает в свой состав как непроизводные, так и производные лексические единицы, как правило, в переносном значении. Ключевым словом для данной группы выступает глагол *уклониться* – «(перенос.) избегая чего-нибудь, отойти от участия в чем-нибудь. *Уклониться от ответа, от разговора, от неприятной встречи*» [Русский семантический словарь, с. 385–386]. Судя по лексической сочетаемости, данный глагол имеет негативный этический смысл. Однако его контекстуальная интерпретация может нейтрализовать данную коннотацию:

Сказать, что не умеет прыгать с парашютом, что наверняка посчитали бы запоздалой попыткой уклониться от опасного задания (В. Быков. «Болото») [НКРЯ];

Через два дня Д. позвонил мне, просил встретиться, он вспомнил нечто важное. Я попробовал уклониться, он настаивал. Категорически, почти официально-угрожающе (Д. Гранин. «Зубр») [Там же].

Таким образом, в более широком контексте происходит актуализация отдельных смыслов глагольного слова и коммуникативной ситуации в целом.

Глаголы с конфиксом *от-...-ся*, в силу специфики своей внутренней формы и метафоричности значения, обладают повышенной экспрессивностью. Таковы, например, лексемы *отбояриться* и *отбрыкаться*.

Отбояриться – «(разг.) от кого-, чего-либо. Избавиться, отделаться. // Уклониться, увильнуть от чего-либо: *отбояриться от поручения*» [Словарь русского языка, с. 663]. Лексическая сочетаемость глагола, встречающаяся в русском языке: *отбояриться от назойливого посетителя, от неприятного дела*, свидетельствует о том, что данное действие с точки зрения деонтических норм вполне правомерно:

Между тем от поручений такого характера не так уж легко было отбояриться (А. Ларина. «Незабываемое») [Там же];

Как Вы помните, я с самого начала опасался, что новый журнал Вас затянет, и не верил,

чтобы Вам удалось отбояриться от руководящей роли в редакции (Н. Трубецкой. «Письма Р. О. Якобсону») [Там же].

Негативная оценка в приведенных отрезках текста нейтрализуется, но экспрессивность данного деривата, обусловленная спецификой его внутренней формы, сохраняется. «...Внутренняя форма слова, система его значений является отражением категориального членения мира не с точки зрения его объективной реалии, а с точки зрения осмысления его человеком – продуктом определенных эпох» [Вендина, с. 49]. Здесь уместно привести толкование глагола *отбояриться* в словаре Даля: «отбояривать, отбоярить *кого*, отделать, отправить, отказать в чем, устранить ловко от чего; *-ся*, отделяваться, уклоняться, отнекиваться, огуряться, лытатъ. *Ловко он заимодавцев своих отбояривает. Ты как от рекрутства отбоярился?*» [Даль, с. 711]; ср. также: «отбариваться, отбариться, отделаться барьясь или барничая. *А ты что от работы отбариваешься?*» [Там же, с. 710].

Просторечный глагол *отбрыкаться* – «(перен., прост.) Всячески стремиться уклониться, отделаться от чего-либо» [Словарь русского языка, с. 604] в следующем контексте носит уже явно негативно-оценочный характер: *А то вишь разгулялся – от всего освободился – и от Литфонда, и от секретарства отбрыкался, так ведь и просчитаться можно* (В. Астафьев. «Зрячий посох») [НКРЯ].

М. А. Кронгауз, детально описывая двадцать одно конкретное подзначение приставки *от-*, выделяет «словарные статьи» – «семантико-синтаксические шаблоны, с помощью которых могут быть проинтерпретированы конкретные употребления приставочных глаголов» [Кронгауз, с. 175]. Исследуемая нами лексика представлена в его группе под названием «Защита от взаимодействия», куда входят глаголы активного взаимодействия: *отбиться, отбояриться, отвертеться, отшутиться*, а также глаголы пассивного взаимодействия: *отмолчаться, отсидеться* и др. Для данных глаголов, по мнению ученого, характерна определенная модель управления: X [им], *от* + Y [род], которая имеет следующее толкование: «лицо X, подвергаясь воздействию и реагируя на него соответствующим образом, сумело отстоять позиции и избежать Y», то есть «прервать контакт с лицом Y» [Там же, с. 186].

В данном случае возникает вопрос, каким образом характеризуется поведение субъекта действия, названного такого рода глаголами: положительно, отрицательно или нейтрально, поскольку само словосочетание «защита от взаи-

модействия» не предполагает негативной оценочной коннотации.

Для того чтобы решить эту проблему, рассмотрим ряд других глаголов поведения, подвергшихся семантической пейоратизации или, наоборот, нейтрализации. Это прежде всего семантические дериваты *отвертеться*, *открутиться*, *отвязаться* и *отделаться*, возникшие в результате метафорического переосмысления.

Так, глагол *отвертеться* – «(перен., разг.) Суметь избежать чего-либо с помощью уловок, ухищрений и т. п.; уклониться» [Словарь русского языка, с. 666] в рамках широкого контекста, а именно за счет описания всей ситуации, усиливает свою пейоративную оценочность:

И заметьте, Никодим Егорыч, каждая из этих самых девок в молодых годах женихов имела. А почему, спрашивается, не вышла? По какой причине? А потому, удержать его, жениха-то, родители не смогли, дали ему *отвертеться*. – Это верно-с. – Мужчина нынче балованный, глупый, вольнодумствующий. Любит он все это на шерамыжку да с выгодой. Задаром он тебе и шагу не ступит (А. Чехов. «В бане») [НКРЯ].

В приведенном отрезке текста на первый план выступают прагматические компоненты семантики глагольного слова, эксплицирующие формы социального поведения субъекта. Следует заметить, что шутливо-иронический характер высказывания отнюдь не препятствует, а наоборот, способствует оценочному снижению названного действия и ситуации в целом. Ср. также:

*Дина согласилась на встречу легко и быстро, а подающий надежды художник Лазаренко долго мямлил, стараясь *отвертеться*, но капитан ему такой возможности не дал* (Т. Устинова. «Большое зло и мелкие пакости») [Там же].

Там, где субъектом действия выступает сам говорящий, то есть речь идет от первого лица, акцент смещается в сторону нейтральной и даже положительной оценки:

*У меня не было ни минуты свободной (равно как и желания), и я как-то сумел *отвертеться** (Ю. Нагибин. «Дневник») [Там же].

*И, ох, трудно, невозможно будет *отвертеться* от пронизательных вояк!* (В. Астафьев. «Пастух и пастушка») [Там же].

Развитие противоположных семантических оттенков в пределах одного слова, отмечает И. В. Ерофеева, является «одним из важнейших стилистических приемов характеристики как отдельных персонажей, так и тех или иных состояний человека в определенных ситуациях» [Ерофеева, с. 89].

Образная структура внутренней формы и ее метафорический характер выделяется у глагола *открутиться* – «(перен., прост.) уклониться, отделаться от чего-либо» [Словарь русского языка, с. 684]:

Ты не крути, Гришка!... Не *открутишься*! Понял? Григорий опустил голову... Он давно понял, что не *открутится*. (А. Иванов. «Повитель») [НКРЯ].

Смысловое содержание глаголов подобного рода свидетельствует об игнорировании субъектом действия социокультурных норм, моральных ценностей, общепринятых представлений, связанных с природой человека и смыслом его жизни. «Они [ценности] говорят не о том, что есть, а о том, что должно быть» [Ивин, с. 4]. В этой связи уместно упомянуть и об универсальных этических законах сущего и должного, указывающих на оптимальные модели социального поведения. «Существуя в общественном и индивидуальном сознании в виде нормативных, целерациональных идей, законы должного способны при своем проецировании на социальную почву конкретных межсубъектных отношений не только сохранять свою нормативную суть, но и обрести особенную ценностную окрашенность, сообщаемую им конкретными коллизиями, в регуляции которых они участвуют» [Бачинин, с. 59].

Явное наращение пейоративного смысла и образности в силу своей метафоричности демонстрируют глаголы *отвязаться* и *отделаться*.

Глагол *отвязаться* – «(перен., разг.) Отделаться, избавиться от кого-, чего-либо» [Словарь русского языка, с. 671] в следующих предложениях выражает неоднозначную оценку: по контексту невозможно определить, как оцениваются действия персонажа – позитивно или негативно:

*Проигравшийся адвокат был рад *отвязаться* от партнера и тоже принялся поджигать старого маркёра* (Д. Мамин – Сибиряк. «Клад») [НКРЯ].

*Дежурный никак не мог *отвязаться* от какого-то образованного гражданина в синей тенниске, который, называя законы, все говорил и говорил* (В. Распутин. «Дочь Ивана, мать Ивана») [Там же].

Глагольный предикат *отделаться* практически во всех своих значениях выполняет экспрессивно-оценочную функцию: «(разг.) 1. Освободиться, закончив какую-либо работу, какое-либо дело; 2. Избавиться от кого-, чего-либо неприятного, ненужного; 3. Чем. Не желая сделать что-либо, уклоняясь от чего-либо, ограничиться чем-либо незначительным, несущественным: *отделаться обещанием*» [Словарь русского языка, с.

675]. Дериват *отделаться* является результатом функционально-стилистической и смысловой модификации частотного, а потому и прагматически нейтрального глагола *делать*. Сохраняя свою базовую семантику, в результате словообразовательной детерминации он приобретает дополнительные эмоционально-оценочные смыслы:

Невозможно было жить вместе с ней, но так же невозможно и отделаться от неё, отослать к родственникам, сдать в детдом (Л. Улицкая. «Казус Кукоцкого») [Там же];

Но такая быстрота нужна была Нержину, чтобы, исполнив внешнюю работу, надолгие отделаться от самого движения (А. Солженицын. «В круге первом») [Там же].

Если в первом случае исследуемая лексема выражает отрицательную смысловую оценку ситуации, то во втором – по причине недостаточности контекстуального окружения – мы можем констатировать ее неоднозначность.

По мнению ученых, не только «оценочные», но и, казалось бы, оценочно нейтральные слова способны выражать ценностное отношение. «Это делает грань между описательной и оценочной функциями языковых выражений особенно зыбкой и неустойчивой. Как правило, вне контекста употребление выражения невозможно установить, описывает ли оно, или оценивает, или пытается делать и то, и другое» [Ивин, с. 53].

Итак, при помощи конфикса *от- ... -ся* в русском языке образуются производные глаголы с семантикой «уклонение от деятельности, контакта и взаимодействия», служащие для обозначения известного поведенческого стереотипа. Аффиксальная деривация в данном случае сопровождается активной метафоризацией, в результате чего глагольное слово приобретает экспрессивно-оценочную коннотацию.

При сохранении общего содержания понятия в процессе семантической деривации происходит расширение объема значения лексической единицы, в семантической структуре которой появляются дополнительные – оценочные, регулятивные – смыслы, свойственные предикатам поведения. При этом сам семантический дериват становится образным словом и выполняет экспрессивно-оценочную функцию.

Адгерентная экспрессивность и оценочность производных глаголов поведения проявляются в рамках конкретной речевой ситуации, когда степень семантической пейоратизации может усиливаться или, наоборот, ослабляться за счет контекстного окружения. Лексическая сочетаемость и ментально-культурный языковой контекст в целом актуализируют базовые этические смыс-

лы, объективируя таким образом в языке деонтические нормы русского этноса.

Список литературы

- Бачинин В. А. Этика. Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2005. 288 с.
- Вендина Т. И. Русская традиционная духовная культура: наследие в слове // Метафизика. 2012. № 4 (6). С. 49–64.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2 Москва: ТЕРРА, 1995. 784 с.
- Ерофеева И. В. Семантические преобразования слов в контекстах пушкинских произведений // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 4 (38). С. 84–90.
- Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636 с.
- Зайнгульдинов А. А. К вопросу о соотношении семантических категорий: [экспрессивность [эмоциональность [оценочность]]] // Мир русского слова. 2009. № 2. С. 28–34.
- Ивин А. А. Аксиология. Москва: Высшая школа, 2006. 390 с.
- Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.03.18).
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Том IV. Глагол. / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007. 923 с.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1982–1984. Т. 2. К – О. 1982. 736 с.
- Телия В. Н. Экспрессивность // Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 637.
- Фатхутдинова В. Г., Красильникова Л. В. Словообразовательная семантика глаголов поведения в русском языке // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 1 (43). С. 133–139.
- Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.
- Черепанов М. В. Очерк словообразовательной типологии русского глагола. Саратов: «Изд-во СГУ», 2004. 608 с.
- Этика: Энциклопедический словарь. / Под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. 671 с.

References

- Bachinin, V. A. (2005). *Etika. Entsiklopedicheskii slovar'* [Ethics. Encyclopaedic Dictionary]. 288 p. St. Petersburg, Izd-vo Mikhailova V. A. (In Russian)
- Cherepanov, M. V. (2004). *Oчерk slovoobrazovatel'noi tipologii russkogo glagola* [The Essay on the

Word-formative Typology of the Russian Verb]. 608 p. Saratov, Izd-vo SGU. (In Russian)

Dal', V. I. (1995). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. V 4 t. T. 2. 784 p. Moskva, TERRA. (In Russian)

Efremova, T. F. (2005). *Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinits russkogo iazyka: ok. 1900 slovoobrazov. edinits* [Explanatory Dictionary of Word-formation Units of the Russian Language: About 1900 Word-formation Units]. 636 p. Moscow, Astrel'. (In Russian)

Erofeeva, I. V. (2014). *Semanticheskie preobrazovaniia slov v kontekstakh pushkinskikh proizvedenii* [Semantic Transformations of Words in the Contexts of Pushkin's Works]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, No.4 (38), pp. 84–90. (In Russian)

Etika: Entsiklopedicheskii slovar' (2001) [Ethics: Encyclopedic Dictionary]. Pod red. R. G. Apresiana i A. A. Guseinova. 671 p. Moscow, Gardariki. (In Russian)

Fatkhutdinova, V. G., Krasil'nikova, L. V. (2016). *Slovoobrazovatel'naia semantika glagolov povedeniia v russkom iazyke* [Word-forming Semantics of the Verbs of Behavior in the Russian Language]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, No.1 (43), pp. 133–139. (In Russian)

Ivin, A. A. (2006). *Aksiologiya* [Axiology]. 390 p. Moscow, Vysshiaia shkola. (In Russian)

Khimik, V. V. (2000). *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen* [Low Poetics, or Common Language as a Cultural Phenomenon]. 272 p. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (In Russian)

Krongauz, M. A. (1998). *Pristavki i glagoly v russkom iazyke: semanticheskaia grammatika* [Prefixes and Verbs in Russian: Semantic Grammar]. 288 p. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury". (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 27.03.18). (In Russian)

Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii (2007) [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized According to the Classes of Words and Meanings]. Pod obshch. red. N. Iu. Shvedovoi. Tom IV. *Glгол*. 923 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

Slovar' russkogo iazyka (1982). [Dictionary of the Russian Language]. V 4-kh t. AN SSSR, In-t rus. iaz.; Pod red. A. P. Evgen'evoi. T. 2. K – O. 736 p. Moscow, Russkii iazyk, 1982–1984. (In Russian)

Teliia, V. N. (1997). *Ekspressivnost'* [Expressivity]. Teliia V. N. *Russkii iazyk: entsiklopediia. / gl. red. Iu. N. Karaulov*. 637 p. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, Drofa. (In Russian)

Vendina, T. I. (2012). *Russkaia traditsionnaia dukhovnaia kul'tura: nasledie v slove* [Russian Traditional Spiritual Culture: Heritage in the Word]. *Metafizika* [Metaphysics]. No. 4 (6), pp. 49–64. (In Russian)

Zainul'dinov, A. A. (2009). *K voprosu o sootnoshenii semanticheskikh kategorii: (ekspressivnost' (emotsional'nost' (otsenochnost')))* [On the Ratio of Semantic Categories: (Expressivity (Emotionality (Evaluation)))]]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Words]. No. 2, pp. 28–34. (In Russian)

The article was submitted on 04.04.2018
Поступила в редакцию 04.04.2018

Фатхутдинова Венера Габдулхаковна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
favenera@mail.ru

Fatkhutdinova Venera Gabdulkhakovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
favenera@mail.ru